

Борис ВАСИЛЬЕВ:

КАЖДЫЙ МУЖЧИНА МЕЧТАЕТ УБИТЬ МАМОНТА

Встр. клуб.
- 2008.
- 16 нояб.
- с. 11

Эта «клубная встреча» необычная: автора знаменитых «Зори...» расспрашивали сто пятьдесят его коллег – участников прошедшего недавно форума молодых писателей России. Интервью получилось сумбурное, зато из него видно, что интересуется литературную молодежь.

– Писателя никогда никто не ждет, он всегда неожиданный гость. Чтобы стать желанным гостем, надо приложить немало усилий. У писателя две дороги: одна, когда он срывается со старта со спринтерской скоростью – дорога легкого успеха и денег. Вторая – собрать все силы для длинного марафонского бега. Будет тяжело, зато потом придет самое дорогое: читающие люди, по-настоящему читающие, будут звонить друзьям и спрашивать: «Читали?» Это высшая награда писателю.

– Борис Львович, как вы вступили в литературу?

– Я родился в провинциальной семье, где было заведено читать каждый вечер вслух. И вот горит керосиновая лампа, взрослые читают... Я еще ничего не понимал, играл в своих солдатиков, а вот ритм русской прозы западал. И уважение к книге осталось на всю жизнь. Мой отец был военным, и мотались мы по всей России. На всяком новом месте нам выдавали казенный комплект белья, посуды, а своего у нас было немного: мамин чемодан с вещами и книги. Моей семейной обязанностью было укладывать книги во время переездов. Я тащил огромную книжку, она была тяжелая, и опустить ее в ящик я мог только стоя на коленях. Если бы просто нагнулся – упал бы. И вот я, маленький, ощутил всю серьезность книги, ее весомость в мире. И так на всю жизнь остался перед ней на коленях.

Я не собирался писать. Закончил Бронетанковую академию, второй инженерный факультет – единственный в академии, где учились девочки. Одна из них потом стала моей женой. Профессия моя оказалась очень хорошей – испытатель боевых машин. Азартнейшая работа! Двадцать тысяч километров намотать на машине по разным местам – по асфальту, по горам, по песку, чтобы сломать эту машину. Ты испытатель, твое дело – ломать! Потому что, не дай Бог, она сломается на фронте, тогда, кранты. Как-то вечером я пришел домой – звонок в дверь, стоит посыльный от нашего командира. Конструкторы изменили кое-что в новой машине, к утру надо сломать. Я говорю: «Есть!» И пошел ломать. По болотам, по горам, по кочкам... Часа за три-четыре я ее сломал. Такая интересная работа.

А потом случился конфликт в армии. У старых офицеров образования нет, еле девять классов закончили, а тут пришли молодые, не воевавшие, но с образованием. А старых-то куда девать? У них семьи... И молодых стали травить. Это первый конфликт, который я увидел в своей жизни. Я решил написать о нем. Показалось, что проще всего писать пьесы, слова: кто говорит, что говорит. Накатал пьесу, послал в Театр Советской Армии, и дней через десять получил приглашение приехать.

Так я встретился с Поповым, основателем этого театра, великолепным режиссером. В своем крохотном кабинете он долго объяснял мне, что я написал, а потом сказал фразу, единственную, которую я запомнил из его бурного монолога: «Пьесы пишут, стоя на сцене, а ты написал, сидя в зрительном зале». Дал мне пропуск: «Ходи каждый день в театр, смотри, как ставятся спектакли, как работают актеры, тогда сможешь написать пьесу». Я говорю: «Я же еще служу!» А он: «Ну, выбирай!»

И я выбрал. Это мое природное легкомыслие. Еще ничего не напечатал, ничего не умел... Я написал новую пьесу, она была поставлена, но ее зарубили на политуправлении, не указывая причины.

Я стал писать киносценарии. Очень хотел писать прозу, но безумно боялся. Начал потихоньку, по три-четыре предложения в день. Назвал совершенно несурзано: «Весною, которой не было» и послал в журнал «Юность». А через пару дней рано утром позвонил мне Винокуров: «Вы написали?» – «Я». – «Немедленно приезжайте! В одиннадцать будете у нас, а в двенадцать придет Полевой, он уже прочитал». Я приехал, а Полевой уже в редакции. Обнимает меня: «Молодец!» А потом говорит: «Два замечания: во-первых, замени «шмайссер» на «автомат». Это мы с тобой знаем, а читатель может и не знать. А во-вторых, название. Коньяк тому, кто придумает название!» Думали минут сорок, и Винокуров предложил: «А зори здесь тихие...» Коньяк распили на месте.

Так повесть и пошла. Мне было уже сорок пять лет.

– Вернется ли время, когда серьезная проза будет издаваться большими тиражами?

– Нет. Серьезная проза никогда не издается большими тиражами. Кто читает? Женщины и юношество. Женщина читает между плитой и детьми, а юношество думает, кем ей быть завтра, как найти свое место. Ни тому ни другому не до серьезных романов.

– Не живем ли мы в предфашистском государстве?

– Нет. Правда, если мы, не дай Бог, серьезно ввяжемся в войну, тогда понадобится тоталитарный режим. Мы не привыкли к демократии. Нельзя иметь демократию, не имея ни одного демократа в стране. У нас морали в обществе нет, законов нет.

– Какова роль писателя в истории?

– Писатель должен писать не просто романчик, а свое видение исторических событий. Надо знать историю и иметь свой взгляд на нее.

– Что больше всего интересно читателя?

– И сегодня, и раньше, и в будущем – отношения между женщиной и мужчиной.

Это волнует каждого человека, потому что только в сумме своей мужчина и женщина дают единое целое. Между мужчиной и женщиной есть принципиальная разница. Каждый мужчина мечтает убить мамонта, но не каждому это удается. А каждая женщина мечтает выйти замуж за мужчину, который уже убил мамонта. У нее есть выбор. Это и обеспечивает их конфликтность и в жизни, и в искусстве. Все сложнее, чем просто «любит – не любит, плюнет – поцелует». Большинство конфликтов, рожденных в обществе, проходят через женщину. И женщина тоже: либо поддерживает этого рвущегося к власти безнравственного мужчину, либо не поддерживает; то и другое порождает конфликт. Самое главное в нашем ремесле – увидеть, услышать, подсмотреть, пропустить через себя отношения между мужчиной и женщиной. Не путать с сексом – это иная форма выражения.

– Что еще нужно, чтобы стать востребованным писателем?

– Нужно учиться любить и учиться ненавидеть, нужно выработать эти ценности и крайности. Мне всегда кажется, что творчество начинается тогда, когда у человека в мозгу возникает некая искорка между добром и злом. Только никогда не спешите записывать первое впечатление. Это зеленая груша, которая должна созреть. А если перереет, то сгниет и свалится. Нужно брать плод познания добра и зла в самом соку.

Наша с вами работа, как и всякая работа, основана на ремесле. Ремеслу надо учиться. По моим наблюдениям писатель точно должен знать, прежде чем сядет за стол, с чего он начнет и какой будет финал. Не знать этого нельзя, кто говорит, что не знал, тот врет. Конец всегда должен быть фокусом вашего произведения. Любимов однажды поставил спектакль «А зори здесь тихие...» Он поставил его так, что после спектакля в зале была гробовая тишина. Никто не хлопал. Все молчали, потом так же молча встали и ушли. Как на похоро-

нах... Он поставил трагедию, где не место аплодисментам. Это трагедия, которую каждый зритель молча унес с собой. И это очень важно для писателя, чтобы читатель унес твою книгу с собой. Молча.

– Ваш любимый писатель...

– Диккенс. С детства раз-два в год читаю его от корки до корки.

– Что читать, что не читать?

– Не надо читать плохую литературу, особенно если она мешает вам лично что-то делать. Я не имею права говорить «Не читай это», потому что это мое мнение и мой вкус. Мое право – только кричать от восторга: «Читай!», но не наоборот. А дальше – право общества. Самая великая книга, которая написана каждым народом – это его история. Ее не знать он не имеет права.

– Согласны ли вы с утверждением, что главное произведение о Великой Отечественной войне предстоит написать тем, кто был рожден через четверть века после взятия Берлина?

– Слишком категорично. Вовсе нет. Если есть потребность писать, то хоть сейчас пиши.

– В чем трагедия Ницше?

– Я не знаю, какая трагедия у него была в душе. Его учение не порождало фашизм, это выдумки прессы.

– Что вы пишете сейчас?

– Когда прежняя система рухнула, я стал писать исторические романы. Их печатали. Я чувствовал, что не имею права

писать о современности, потому что еще не понял, что происходит. А потом успокоился немножко у себя в Солнечногорске, понял, как я представляю себе современность, и написал роман. А сейчас не могу больше писать о современности, потому что выдохся на этом романе и понимаю: такой стремительный рост, так быстро меняется система ценностей! Я не могу сейчас писать об этом. Пока буду писать исторические романы.

– Какой роман нужен России сегодня?

– Не обольщайтесь. Новый роман никому не нужен, никто об этом не думает и не ждет нового романа. Это внутренняя потребность, которая не высказывается в словах. Как мычание коровы: мычит, а что ей надо – покормить ее или подоить, это догадаться, мол, сама. Так мычит читающий человек при всем к нему уважении. Эта мысль еще не кристаллизовалась в нем. Первыми заметит ее мы.

– Существует ли вдохновение?

– Не ждите вдохновения, оно не приходит. Надо работать, как шахтер. Я каждое утро сажусь за стол и начинаю работать. Это бремя очень прочно, от него нельзя освободиться. Этот хомут вы будете носить всю жизнь. Во время работы приходит какая-то искорка: вот как надо. Это не вдохновение, это результат вашего труда.

Записала
Мария НЕКРАСОВА

ИЗ ДОСЬЕ «ВК»:

ВАСИЛЬЕВ Борис Львович — писатель, киносценарист, родился в 1924 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Автор повестей и романов «А зори здесь тихие...», «Не стреляйте в белых лебедей», «В списках не значится», «Неопалимая купина», «Были и небыли» и других. Лауреат Государственной премии СССР 1975 года (за фильм «А зори здесь тихие...»), Премии президента России (2000 год), Премии имени Константина Симонова. Награжден орденом Дружбы народов, золотой медалью имени Довженко.